

10 афиша

Марсель номер два О ПЕРВОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ БРОТАРСА В МОСКВЕ

Анна Толстова

В МУЗЕЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА «ГАРАЖ» ОТКРЫЛАСЬ ПЕРВАЯ В РОССИИ ВЫСТАВКА БЕЛЬГИЙСКОГО ПОЭТА, ХУДОЖНИКА И КИНЕМАТОГРАФИСТА МАРСЕЛЯ БРОТАРСА (1924–1976). ПОКАЗЫВАЮТ ОКОЛО 80 РАБОТ, В ТОМ ЧИСЛЕ «МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА, ОТДЕЛ ОРЛОВ», ОПРЕДЕЛЕННО ИЗМЕНИВШИЙ ХОД ИСТОРИИ ИСКУССТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

МЕСТО ГЛАВНОГО художника XX века, по счастью, остается вакантным — ведь по мере того, как XX век приближался к концу, мир искусства все меньше верил в иерархии и вертикали, хотя художественные журналы с завидным упорством составляли и составляют рейтинги влияния. Когда-то самым влиятельным был Пикассо, потом его место занял Дюшан, была еще одна пара кандидатов, Уорхол и Бойс, Россия тоже пыталась выдвигать претендентов — в лице Кандинского и Малевича; сейчас, кажется, «безоговорочно главных» не осталось. Марсель Бротарс, насмеявшийся над вагнерианскими амбициями художников, как и над любыми другими проявлениями пафоса и тщеславия, вероятно, от души повеселился бы, если бы узнал, что через сорок лет после смерти он превратится в одну из наиболее влиятельных фигур в искусстве прошедшего XX и наступившего XXI века. Не сразу: десятилетие со дня смерти отмечали специальным выпуском высококолобого критического журнала *October* — к сорокалетию устроили грандиозную ретроспективу в главных музеях современного искусства Нью-Йорка, Мадрида и Дюссельдорфа, собрав толпы зрителей. Впрочем, быть может, Бротарсу, считавшему главным художником современности Магритта, все же было бы приятно, что мир оценил еще одного бельгийца. Потому что можно сколько угодно потешаться над бельгийским национализмом, скажем, в остроумном объекте «Бедренная кость бельгийца», который было бы легко принять за типичный экспонат из музейного отдела антропологии, если бы он не был выкрашен в цвета национального флага, но при этом оставаясь бельгийцем до мозга костей. И, надо думать, его,

«Разговоры,
тексты, копии»,
1972–1973

умершего в свой день рождения и лежащего на брюссельском кладбище Иксель под самой веселой в мире могильной плитой, сделанной по собственному эскизу покойного, рассмешила бы эта числовая симметрия. Первые сорок лет жизни он, поэт и журналист, не помышлял о том, чтобы самому заняться искусством. Но вот уже сорок с лишним лет, прошедших с момента его смерти, искусство размышляет о Бротарсе, обращаясь к его наследию все чаще и чаще. Бротарс-художник — это чуть более десятилетия, с 1964-го по 1976-й, и сотня с лишним выставок в Европе и Америке, в том числе вошедшая в историю *documenta* 5 1972 года. По легенде, смена специальности была вызвана финансовыми обстоятельствами: Бротарс заявил, что поэзия его не кормит, замуровал нераспроданный тираж своей последней поэтической книги в уродливо тающий сугроб из гипса и таким образом получил свой первый объект «Pense-Bete». Экспозиция в «Гараже» показывает, что все было не совсем так: в ассамбляже «Великолепная картина», датированном 1963-м, чуть ранее, чем «Pense-Bete»,

видно, что к искусству он шел не столько от голода, сколько от художественной критики. Видимо, это малопочтенное занятие открыло ему глаза на американский поп-арт и навело на обычно непродуктивную мысль «я тоже так могу». Во всяком случае, в 1963-м он восторженно писал о брюссельской выставке Джима Дайна и о влиянии, какое на Дайна будто бы оказало искусство идей Магритта, — «Великолепная картина» с кистями и малярными валиками, приспособенными к поверхности доски, напоминает дайновские ассамбляжи с прикрепленным к холстам рабочим инструментом. Однако вряд ли это был всего лишь жест подражания — скорее это был жест отказа, но, как всегда бывает в легучем, неуловимом, бегущим прямолинейных трактовок искусстве Бротарса, нельзя сказать, отказа от чего и для чего. Отказа от картины и от живописи? Отказа от медиума как такового и от связанной с ним ремесленнической доблести? Отказа во имя искусства чистой идеи — по следам Дюшана и в предчувствии концептуализма? Отказа в пользу грядущей постмедиальности?